

5731

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

Кол.

1905 3/5

№ 3

МАРТЪ

ней мѣрѣ, позволить замѣчать „что-то страстное въ походкѣ и въ подыманіи ноги“ или класть локти на грудь... кого же?... „Зеленоглазой Модонны“... Право, это ужасно—и безвкусно, и коробить, и вовсе непозволительно эта общая легкость стиха, его перепѣвы, иногда, вотъ-вотъ, пріятные, но нѣтъ... Истинно *бодраго* и смѣлаго стиха тоже нѣтъ; дерзостность обращена совсѣмъ не туда, откуда могла бы услышать вѣрное эхо. Не хмѣль,—а броженіе дурного вина, не свободная непринужденность, а болѣзненное удалъство—въ гостинной en bras de chemise.. Кажется, стихъ легокъ, но сколько трафаретнаго, сколько ненастоящихъ отголосковъ чужихъ мученій! Этотъ закалъ стиха—вѣдь Брюсовскій, а „Valse masquée“—прямо изъ Бальмонта. И къ чему повтореніе цѣлыхъ строфъ, пусть даже гладкихъ и, повидимому, излюбленныхъ. Настоящее созданье Гофмана, пожалуй,—только эта легкая отрывистость, домашняя, плѣнная, горькая: „И казалось намъ: можно... Былъ эфиръ голубой“. „Эта тихая боль—называется: нѣжность“. „Хочется счастья. Какъ же безъ счастья?“... Отъ этого грустно, но—

Служенье Музъ не терпятъ суеты.

Ал. Бл.

Кунно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ III. Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Полилова. Томъ VII. Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Переводъ Н. О. Лоссакаго. С.-Петербургъ. 1905. Изданіе Д. Е. Жуковскаго.

Исторія новой философіи К. Фишера занимаетъ особое мѣсто въ современной философской литературѣ. Плодъ неутомимаго трудолюбія цѣлой жизни и выдающагося литературнаго таланта, соединеннаго съ способностью сливаться съ изучаемымъ философомъ почти до неразличимости, колоссальная работа К. Фишера имѣетъ совершенно исключительное педагогическое значеніе. К. Фишеръ вызвалъ изъ мрака забвенія и выявилъ міру гигантовъ философской мысли, которые ознаменовали своимъ появленіемъ новое время. Этимъ К. Фишеръ вписалъ свое имя въ исторію новѣйшаго философскаго ренессанса. Вкусивъ сладкаго, не захочешь горькаго, и кто отвѣдаетъ крѣпкаго благороднаго вина классической философіи, навсегда потеряетъ вкусъ къ той прѣсной водицѣ, которою является по сравненію съ ней современная школьная философія. Каково бы ни было собственное значеніе К. Фишера какъ самостоятельнаго мыслителя, по онъ создалъ себѣ нерукотворный памятникъ тѣмъ, что далъ литературѣ не только Канта, теперь уже болѣе или менѣе общеизвѣстнаго, но и менѣе извѣстнаго Фихте, совсѣмъ неизвѣстнаго Шеллинга, полумифическаго Гегеля... Медленно движущаяся философская мысль должна, наконецъ, принять въ себя и освоить работу этихъ философскихъ гениевъ и це-

решагнуть впередъ за Канта и черезъ Канта, на которомъ она теперь какъ бы запнулась, и въ этомъ философскомъ ренессансѣ, когда придетъ ему время, благодарно вспомнется имя К. Фишера.

Если сочиненія К. Фишера имѣютъ такое значеніе даже на родинѣ классической нѣмецкой философіи, то неизмѣримо большее значеніе получаетъ появленіе ихъ на русскомъ языкѣ. Безъ очень основательнаго знанія нѣмецкаго языка, которое является все-таки рѣдкимъ, знакомство съ философскими подлинниками совершенно невозможно, и сочиненія К. Фишера могутъ явиться для читателя-неспеціалиста суррогатомъ такого знакомства. Старое изданіе сочиненій К. Фишера въ переводѣ Н. Н. Страхова давно уже разошлось, и нельзя не признать своевременнымъ издательское предпріятіе Д. Е. Жуковскаго, какъ серьезную заслугу передъ русской культурой. Д. Е. Жуковскій предпринялъ изданіе всей монументальной исторіи философіи К. Фишера въ переводѣ съ послѣдняго (юбилейнаго) нѣмецкаго изданія. Переводы принадлежатъ компетентнымъ лицамъ, и хотя мы не дѣлали попытки подробно свѣрять этотъ переводъ съ нѣмецкимъ подлинникомъ, но не сомнѣваемся, что переводчики стоятъ на высотѣ призванія. До сихъ поръ вышли томы о Кантѣ (пока первый полутомъ), о Гегелѣ, о Лейбницѣ и Шеллингѣ, готовятся къ печати и остальные томы. Въ результатъ русскій читатель получаетъ цѣлую философскую библіотеку. Особенное значеніе мы придаемъ появленію тома о Шеллингѣ. Для насъ это едва ли не самый интересный мыслитель во всей нѣмецкой классической философіи, въ особенности своей второй системой, имѣющей столько пунктовъ соприкосновенія съ системой Вл. С. Соловьева, а въ то же время для русской (даже и для нѣмецкой) публики Шеллингъ есть настоящая terra incognita.

Въ заключеніе еще разъ горячо привѣтствуемъ издательское предпріятіе Д. Е. Жуковскаго, какъ отвѣчающее настоятельной и серьезной потребности современнаго русскаго общества, и желаемъ ему довести его до конца съ полнымъ успѣхомъ.

С. Б.

Гаральдъ Гёфдингъ. Философскія проблемы. Переводъ съ нѣмецкаго Рафаила Соловьева. Москва. Книгоиздательство „Творческая мысль“. 1905. г.

Монизмъ, принципъ непрерывности и единства, является душою всякаго научнаго и философскаго познанія. Стремленіе къ единству и связности, стремленіе устранить всякіе перерывы въ нашемъ знаніи всегда было и будетъ конечною цѣлью и путеводною звѣздой всѣхъ научныхъ исканій. Однако, съ другой стороны, многообразіе, данное въ опытѣ, всегда упорно противодѣйствовало такому стремленію, раскрываясь все съ новыхъ и новыхъ сторонъ и ставя передъ познаніемъ все новыя и новыя задачи. Эта борьба